Гемини

Автор:
Коллектив авторов

Гемини

Коллектив авторов

Кинофантастика

Генри Броган, элитный киллер, становится мишенью таинственного агента, который предвидит каждый его шаг. К своему ужасу, скоро он выясняет, что человек, пытающийся его убить, – это клон, молодая, быстрая версия его самого.

Официальная новеллизация долгожданного нового фильма от лауреата премии «Оскар» режиссера Энга Ли («Жизнь Пи», «Крадущийся тигр, затаившийся дракон») с двукратным номинантом на премию Киноакадемии Уиллом Смитом в главной роли.

Гемини: официальная новеллизация фильма

GEMINI MAN

This translation of Gemini Man, first published in 2019, is published by arrangement with Titan Publishing Group Ltd.

© 2019 Skydance Productions LLC.

All Rights Reserved.

© С. Рюмин, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

Поезд из бельгийского Льежа шел до Будапешта, петляя по Германии и Австрии, вдоль юго-западной границы Словакии, прежде чем достигнуть конечной точки, расположенной на полпути от севера до центра Венгрии. Путешествие могло занять всего тринадцать часов или круглые сутки в зависимости от того, как часто приходилось делать пересадки. На одном поезде от Льежа до Будапешта не добраться. Четыре-пять пересадок считались в порядке вещей, хотя на некоторых маршрутах приходилось пересаживаться и семь, и даже десять раз.

Так что маршрут Валерия Дормова вышел на загляденье – всего две пересадки, одна во Франкфурте, вторая в Вене, и одиннадцать остановок. Или двенадцать, если считать сам Будапешт. Время в пути не больше тринадцати часов.

Удивительный план поездки наметил не сам Валерий, а некий безликий работник, имеющий дар видеть расписание в трехмерном формате, где большинство людей видят колонки цифр, которые они не способны расшифровать. Дормов вообразил, как работник выходит из кабинета в подвале и представляет свой перл на суд начальства, а потом, вместо оваций или хотя бы похлопываний по плечу, выслушивает поток недовольных замечаний по поводу множества остановок. Но совсем без остановок маршрутов не бывает. В Европе железные дороги проходят не в захолустье.

Валерия Дормова количество остановок не тревожило, зато оно тревожило его телохранителей. Каждая была чревата нападением или проникновением на поезд ликвидатора; перегоны были еще опаснее. Эскорт подробно проинформировал Валерия, как они собираются охранять его жизнь на вокзалах Франкфурта и Вены, подчеркивая, насколько важно в точности выполнять все их указания.

Дормов хотел было возразить, что для потенциального убийцы было бы логичнее сесть с ними на поезд в Льеже, но почувствовал, что парням не понравится, если он полезет с советами, а потому просто кивнул. Валерию перевалило за шестьдесят, и он был рад, что остались всего два этапа пути – больше не придется срываться с места каждые несколько часов и бегать по вокзалам в сопровождении трех здоровенных издерганных охранников. Не то что бы он страдал от какого-то недуга – на последнем медосмотре в США сорокалетний врач сказал, что завидует нормальному кровяному давлению и мышечному тонусу Дормова, – а просто потому, что находился в пути уже несколько дней и порядком устал. Он был не прочь просидеть оставшиеся тринадцать часов, не отрывая зад. К сидению на одном месте он привык и не воспринимал его как неудобство.

Ехать поездом предложил сам Дормов. По воздуху он, конечно, добрался бы быстрее, но объяснил куратору, что если американцы пожелают его перехватить, то в первую очередь расставят своих людей в аэропортах и даже привлекут на подмогу местных охранников. За железнодорожными вокзалами, разумеется, тоже следили, однако в массе пассажиров затеряться легче – даже с телохранителями. Если честно, Дормов просто не любил летать самолетами. На поезде хотя бы можно в любой момент сходить в туалет, что в его возрасте немаловажно.

Он подозревал, что, если бы даже изъявил желание лететь в Москву самолетом, тамошние бюрократы зарубили бы идею на корню. Не потому, что авиапассажиров легче выследить, а чтобы поставить его на место – в России были, конечно, довольны, что он возвращался на родину, однако это вовсе не означало, что достаточно щелкнуть пальцами, и все бросятся исполнять его желания. Бюрократы всегда становятся в позу, чтобы хоть как-то скрасить унылость своей доли. Дормов на них не обижался. Он тоже мог показать, что и после тридцати пяти лет, проведенных в Штатах, не разложился и не стал капризным.

По правде говоря, с возрастом Дормов ко многим вещам стал относиться проще. Например, лет двадцать назад его бы страшно раздражала девочка, бегающая туда-сюда по проходу и тараторящая по-французски с мягким бельгийским акцентом. Теперь он был не против детей и детских шалостей, особенно если из ребенка прет наружу восторг от поездки на поезде. Пройдет совсем немного времени, и малышку застращают, загонят в серость и заурядность, которые во многих местах выдаются за добропорядочность. Или же она станет циничной и

вредной, придираясь ко всем и каждому, неоправданно считая, что это ее как-то выделяет или делает умнее.

Поезд еще не покинул вокзал, а сидящий рядом телохранитель в тысячный раз спросил, не желает ли Валерий кофе или перекусить. Дормов покачал головой и отвернулся к окну. Двое других охранников – типичные русские богатыри, невозмутимые, каменнолицые, но куда более внимательные, чем могло показаться остальным пассажирам, сидели по другую сторону маленького столика.

Сосед же выглядел моложе и неопытнее. Видимо, был на задании в первый раз и еще не понял, что от него требуется сидеть тихо и смотреть волком или, на худой конец, делать неприступный вид. Он то и дело спрашивал Валерия, не желает ли он чего поесть или выпить, удобно ли ему, не нужно ли принести одеяло.

Да, Юрий говорил, что много людей ждут не дождутся возвращения блудного ученого в лоно матушки России. Юрий не мог удержаться, чтобы не расцветить фразу. Наверное, потому, что работа Юрия требовала от него часто бывать как на Западе, так и на Востоке. У агентов из-за этого проявляются некоторые странности.

Между Востоком и Западом существовало много схожестей, но различий было больше. Бюстье Мадонны на лоно матушки России не напялить. Дормов всегда втайне считал, что крушение Берлинской стены и последовавший за ним развал Советского Союза были обусловлены тремя факторами – Мадонной, MTV и ароматизированной туалетной бумагой. А уж когда появился интернет, на прошлом окончательно поставили крест.

Все началось еще в памятном 1984 году, когда американцы стали обхаживать его, обещая технологический рай, в котором можно жить, не опасаясь отступлений от линии партии и недремлющего ока тайной полиции. Мысль показалась Валерию замечательной. Однако за последующие три с половиной десятилетия Дормов усвоил, что тайная полиция способна рядиться в разные одежды. Если человек не сидит в сибирском ГУЛАГе, это еще не значит, что он не в тюрьме (даже если там есть мягкая туалетная бумага).

К тому же существует вопрос этики. Боже ж мой!

Он всегда старался придерживаться этики и морали, не поступаться совестью. В перенаселенном мире это нелегкая задача. Валерий родился в год смерти Иосифа Сталина, в те времена подобные вещи понимали конкретно. Сталин превзошел Гитлера в душегубстве, причем истреблял в основном русских. Жить при советском режиме было тяжело, однако этика и мораль были определены совершенно четко.

Дормов уехал в США не из-за MTV и туалетной бумаги, а потому что был уверен – рано или поздно с партией ему окажется не по пути. Ему не улыбалось проснуться однажды утром в ГУЛАГе, где лучшей наградой могли быть разве что выколотые на спине церковные купола.

Решение покинуть США далось куда труднее.

Молодой, заискивающий телохранитель с левого бока в очередной раз предложил подушку, Дормов в очередной раз отрицательно покачал головой. Двое напротив не подавали вида, но Валерий заметил, как они бегло переглянулись. Должно быть, недоумевают, зачем он терпит подобную навязчивость. Дормов мысленно усмехнулся. Третий охранник совсем еще ребенок, его поведение – разновидность все той же детской беготни и трескотни. Пробыв тридцать пять лет в эмиграции, Дормов с удовольствием слушал родную речь в исполнении другого русского, а не американца, пусть даже научившегося не коверкать произношение.

Двое других телохранителей за всю дорогу едва ли обменялись с ним парой слов, лишь кратко объяснили план пересадок с поезда на поезд да проверили на GPS-маячки и «жучки». Эти устройства теперь выпускали такими миниатюрными, что проходящий мимо оперативник мог прицепить его, ненароком задев тебя на улице, на вокзале или прямо в поезде, пока ты сидишь на своем месте, и никто ничего не заметит.

Все эти уловки были Валерию хорошо знакомы – американцы здорово натаскали его различать слежку, пусть даже не всегда умышленно. Время от времени кто-нибудь, совершенно не связанный со шпионажем, пытался установить «жучки» в его лаборатории и даже у него дома. Дормов всегда это замечал, потому что гости представлялись работниками госорганизаций, о которых он никогда не слышал. В таких случаях он отказывался продолжать работу, пока его

лабораторию не почистят – всю лабораторию, включая туалетные комнаты. Все, кого интересовало, чем занимался он и его помощники, могли просмотреть записи с «жучков», установленных совершенно официально.

Дормов решил вернуться на родину не из-за слежки. Он чертовски хорошо понимал, что в Москве за ним будут следить еще пристальнее – Советский Союз канул в Лету, но старые привычки живучи. Российские власти в отличие от американцев вели наблюдение без угрызений совести. В России само собой подразумевалось, что за тобой кто-то где-то следит. В США же много говорят о «прайваси» и праве на защиту личной жизни от поползновений государства, из-за этого прослушивающие устройства приходится делать миниатюрнее и лучше их прятать.

После 11 сентября 2001 года средний американский гражданин окончательно запутался в конфликте между личной «прайваси» и национальной безопасностью. Нельзя сказать, что американские госорганы раньше не пользовались прослушками, «жучками» и не совали свой нос в личные дела лиц, которых считали угрозой национальной безопасности. Разведслужбы любили пользоваться расплывчатым термином «национальная безопасность» как предлогом, чтобы не объяснять свои действия или вообще в них не признаваться.

И все-таки государственная слежка – это одно, а то, о чем его недавно попросили, – совершенно другое, на такое он не мог пойти. Дормов никогда не был сторонником коммунизма советского образца, однако и капитализм, если ему дать волю, был не лучше, а, возможно, много хуже. Его всегда преследовало чувство, что рано или поздно наступит предел, и тогда придется навсегда покинуть Запад. В конце концов, он понял, что американцы не отпустят его на пенсию – он слишком много знал и представлял собой угрозу для их национальной безопасности. Настало время срочно уносить ноги и возвращаться на родину.

Россия, конечно, не утопия вроде «Города Солнца», и Валерий не питал иллюзий насчет того, почему там обрадовались его возвращению, – доступ к спрятанным в его голове знаниям для них блестящая победа. Вдобавок, это разозлит американцев. Ничего личного, по крайней мере, большую чашку приличной солянки ему дадут. И кувшин кваса – настоящего, а не подслащенную водичку в бутылках, какую продают в американских магазинах деликатесов.

Дормов посмотрел из окна на плавные линии арочной крыши. От облика Льежского вокзала захватывало дух. Увидев его в первый раз, Валерий подумал, что перед ним гигантская белая волна, которая каким-то чудом застыла на месте, волна с желобками. Она целиком состояла из стали, стекла и белого бетона, не имела ни фасада, ни портала – сплошной шатер крыши. Желобки оказались белыми бетонными балками. Когда светило солнце, они отбрасывали геометрические узорчатые тени.

По словам услужливого охранника, таков был фирменный стиль архитектора – Сантьяго Калатравы Вальса. Конструкция привела Валерия в восхищение, он был бы не прочь встретиться с человеком, чей разум был способен породить такую штуку. В то же время вокзал выглядел совершенно чудно – как инопланетный объект. Ан нет – вокзал находился там, где ему и положено быть. Это Валерий не находил себе места.

Он списывал тревогу на тоску по родине. Постепенно перемещаясь с Запада на Восток, Дормов начал ощущать, насколько истосковался по дому за тридцать с лишним лет; чем ближе он приближался к лону матушки-России, тем больше у него щемило в груди.

После прибытия в Будапешт можно вздохнуть с облегчением, выйти на контакт с Юрием. Венгрия еще не родина, но уже не Запад. Если не найдется солянки и кваса, сойдут гуляш в казанке и водка.

* * *

В нескольких милях юго-восточнее города, на голой вершине холма, с которой открывался вид на долину, во внедорожнике сидел мужчина по имени Генри Броган. Вытянутая мускулистая рука с шоколадной кожей покоилась на руле, водитель смотрел вдаль. Случайный наблюдатель мог бы подумать, что человек приехал в пустынное место побыть наедине с собой, подвести жизненные итоги, поразмышлять над тем, как он дошел до этого момента в жизни, и решить, что делать дальше.

Более внимательный наблюдатель заметил бы прямую осанку и связал бы ее со службой в армии. Когда-то Генри действительно служил в морской пехоте, но эти дни давно миновали. От тех времен, помимо навыков, которые он развил и отточил до невероятной степени, осталась небольшая татуировка на правом

запястье – зеленый туз пик. Он мог бы избавиться от нее вместе с формой и прочим армейским барахлом, да только символ этот был для него важнее всех медалей и благодарностей, полученных за все время службы. Глядя на этот знак, Генри видел в нем самую сокровенную и важную часть своей сущности, что другие люди назвали бы душой, хотя сам он не любил рассуждать на эту тему. К счастью, от него этого и не требовалось – все умещалось в маленьком зеленом тузе пик, изящном и четком, как и все, чем он занимался.

На данный момент внимание Генри занимали железнодорожные пути в 800 метрах от холма, по которым вот-вот должен был пройти поезд из Льежа. Он периодически посматривал на фотографию, прикрепленную клейкой лентой к зеркалу заднего вида, – нечеткому портрету, скопированному то ли с паспорта, то ли с водительского удостоверения, а может быть, с пропуска сотрудника учреждения. Черты лица однако было нетрудно разобрать. Внизу четкими буквами было напечатано имя: ВАЛЕРИЙ ДОРМОВ.

* * *

Монро Рид любил ездить по старому континенту поездом. Европейцы знают толк в наземных путешествиях. Он тоже научился их ценить – воздушные требовали все больше хлопот и предоставляли все меньше удобств. Мало того что приходилось уйму времени проводить в очередях к рамке металлоискателя и позволять рабочей пчелке в униформе щупать тебя где попало, авиакомпании к тому же имели теперь два, а то и три типа второго класса – и все отвратные.

Работая в паре с Генри, он был избавлен от утомительных пассажирских авиарейсов. Однако временами РУМО поручало индивидуальное задание или просило задержаться и «навести порядок». Для мелких сошек вроде Монро служебных самолетов контора не высылала. В таких случаях приходилось по шесть часов слушать детский рев и терпеть удары детских ног в спинку кресла, – девочка-трещотка в проходе была не лучше. Сколько ей лет – шесть, семь? Слишком мала, чтобы путешествовать в одиночку, однако если ее родители и сидели в вагоне среди других взрослых, то ничем себя не проявляли. Похоже, соплячку никто не собирался усмирять. Родители нечасто наказывали Монро, но если бы он так повел себя в ее возрасте, не смог бы присесть на задницу целую неделю.

«Надо просто расслабиться, – подумал агент. – Похоже, девчонка никому не действует на нервы, даже Дормову, а уж старикан – брюзга, каких поискать». Конечно, перебежчики редко бывают добродушными и приятными людьми. С другой стороны, Дормов – уроженец России, так что, скорее всего, считал себя не перебежчиком, а человеком, заслужившим уйти на покой у себя на родине. Наверно, скучает по родным местам даже после тридцати пяти лет, прожитых в США. После краха Советского Союза можно не опасаться, что КГБ постучит ночью в дверь и отправит в сибирский ГУЛАГ.

И все-таки Монро не верил, что в России Дормова-пенсионера ожидала столь же уютная жизнь, как в Америке. А вот если он не выходит на пенсию и собирается продолжать так называемую работу, быстро увидит, что, невзирая на все вывезенные из США секреты, русские не смогут обеспечить ему сверхсовременную лабораторию и приборы, которые в Америке он принимал как должное. Черт, пусть скажет спасибо, если ему хотя бы выделят кресло с поясничной опорой. Старики вечно ноют, что кресла плохо держат поясницу, – по крайней мере, знакомые Монро старики.

Ну, да ничего – Дормову скоро станет не до этого, он не успеет расколоться. Неуемного ребенка придется терпеть только до следующей остановки, где, если все пойдет по плану, Монро покинет поезд. Он не сомневался в успехе. Ведь он работал с Генри Броганом, а Генри еще ни разу не ошибся. На задании партнер действовал как машина. Его ничто не выводило из себя, не отвлекало. Генри умел сосредоточиться на цели, как лазерный луч, и обладал сверхъестественным ощущением нужного момента. Нервозность, охватывавшая Монро в начале каждого нового задания, объяснялась лишь напряжением ожидания.

Однако сегодня девчонка с мелкими кудряшками, с непрерывным щебетанием бегающая туда-сюда по проходу, буквально выводила его из себя. Сколько ей – шесть? Монро не умел определять возраст детей на глаз.

Да и возраст взрослых тоже. При первой встрече с Генри он не дал бы ему больше сорока. Когда тот сказал, что ему уже пятьдесят один, у Монро отвалилась челюсть. Каким образом человек в пятьдесят лет мог выглядеть настолько хорошо?

Черт, куда подевались родители этой пацанки? Поезд через минуту отойдет со станции, почему ее до сих пор не загнали в стойло? Да уж – в Европе все не так,

в том числе подход родителей к детям. Монро где-то слышал, что во Франции детям с трехлетнего возраста начинают давать вино к ужину. Такая же практика, вероятно, существовала во всех странах, говорящих по-французски, как, например, в провинции Льеж. Он посмотрел на часы. Девчушка, тараторя без умолку, пронеслась мимо в тысячный раз. Жаль, что ужин еще далеко, немножко вина ее бы успокоило. Спала бы потом всю дорогу. Скорее всего, французы поили детей вином именно по этим соображениям.

На другой стороне прохода Валерия Дормова с самой посадки в вагон обхаживал один из телохранителей. Видимо, в прошлой жизни был сиделкой. Парень не унимался, хотя Дормов махал на него руками и говорил, что ему ничего не нужно.

Чрезмерная заботливость охранника нервировала Монро не меньше беготни девчонки. Какая мука выслушивать бесконечные вопросы, не желаешь ли ты поесть, выпить или почитать, не нужна ли подушка, удобно ли тебе. «Нет», «нет», «нет» твердил старик по-русски, отмахиваясь одной рукой. В других обстоятельствах Монро не выдержал бы и попросил оставить человека в покое. Бедолага и так скоро уйдет в мир иной. От этой мысли Монро невольно улыбнулся.

Девочка пробежала мимо его сиденья – на этот раз в обратную сторону. Если поезд сейчас же не тронется, придется самому бегать туда-сюда, чтобы выпустить пар. Хотя опоздание им нипочем – лишь бы Генри вовремя занял позицию. А он это сделает.

Словно прочитав его мысли, состав дернулся и сдвинулся с места. Одновременно в динамиках раздался женский голос, объявляющий время в пути, пункт назначения и правила безопасности пассажиров. Говорили по-французски, отчего речь казалась чарующей и обольстительной. Монро слышал, что в Бельгии выговор был мягче, чем в самой Франции. Он не воспринимал разницу на слух. А вот Генри с его скрупулезностью, тот, наверно, смог бы.

Монро посмотрел в окно. «Вагон номер шесть», – тихо, но отчетливо сказал он. – Едем. Четыре альфа. Повторяю: четыре альфа. Место у окна. По бокам его люди».

* * *

В нескольких километрах юго-восточнее поезда Генри ответил: «Вас понял».

Он смотрел на железнодорожное полотно вдали, особенно на то место, где пути исчезали в прорубленном в склоне холма туннеле. Въезд в туннель находился чуть ниже наиболее выгодной точки. Быстро, но без спешки Генри вышел из машины, обошел ее сзади и поднял торцевую дверцу, задержавшись на мгновение, чтобы проверить время по наручным часам. Он купил их на базе еще в учебке, потому что, как ему показалось, именно такие пристало носить морским пехотинцам. Часы по-прежнему работали и до сих пор не разонравились. Генри открыл жесткий футляр в багажнике внедорожника.

Карабин «Ремингтон 700» – старый и надежный, как его часы, как и сам Генри – работал по-прежнему безотказно. Как только он начал собирать «Ремингтон», в душе разлилось ощущение покоя и уверенности, пошло вширь – от сердцевины к голове и рукам, пропитало окружающий воздух, из которого он вдыхал невозмутимость, идеальное равновесие между разумом и телом. И «Ремингтоном».

Генри отрегулировал телескопический прицел, насадил его на ствол поверх сошки, затем лег на живот, тело само собой прильнуло к земле. Он почувствовал себя как дома, так было всегда.

– Скорость? – спросил он.

– 238 километров в час, постоянная, – ответил голос Монро в наушнике. Генри улыбнулся.

* * *

Монро поерзал в кресле. Ему не сиделось на месте. Делая вид или пытаясь делать вид, что читает книгу, он переложил ее из одной руки в другую и тут же вернул обратно.

– Ты возбужден, – спокойным, как всегда, тоном заметил Генри.

– Люблю гасить злодеев, – ответил Монро, опять меняя позу. Будь Генри рядом, врезал бы напарнику прикладом «Ремингтона». А потом сказал бы: «Извини, это все для твоего же блага. Ты мог засветить операцию».

Монро заставил себя сосредоточиться на чтении и больше не смотреть в сторону Дормова и телохранителей. Он был не первый раз замужем и прекрасно понимал, что на объект нельзя слишком много глазеть. Противник может заметить и почуять неладное. Монро стал смотреть в другую сторону.

Дормов начал терять терпение, теперь он отмахивался от молодого охранника, даже не поворачивая головы от окна. Ничего, недолго осталось. От этой мысли Монро занервничал еще больше.

* * *

Поезд показался в семистах метрах от вершины холма, на которой лежал Генри.

Он зарядил в «Ремингтон» одиночный патрон. Времени все равно хватит только на один выстрел. Если не получится с одного выстрела… да нет, раньше всегда получалось.

Генри дважды постучал по прикладу и прицелился.

* * *

– Подожди, подожди.

Генри буквально услышал, как хрустнули и побелели костяшки пальцев корректировщика. Он хотел уже сказать Монро, чтобы тот не ссал кипятком, как вдруг услышал волшебное слово:

– Цель закрыта – гражданские!

Генри застыл, а с ним – вся вселенная. И только чертов поезд летел к туннелю, словно спешил нырнуть в укрытие.

* * *

Хорошо, что девочка, наконец, перестала бегать по проходу. Плохо, что она встала прямо перед Дормовым со товарищи, уставившись на них, как завороженная. Дормов посмотрел на нее, явно недовольный столь беззастенчивым любопытством.

«Она никуда не уйдет и убережет его от смерти, – встревоженно подумал Монро. – Говнючка спасет негодяя. Лишит нас единственного шанса помешать иностранной разведке завладеть секретными материалами, причем винить ее не за что – она еще совсем ребенок».

Монро хотел встать и отвлечь девочку под каким-нибудь предлогом, даже если бы пришлось отпихнуть ее в сторону, как вдруг нарисовалась ее мама. Между соплячкой и красивой молодой дамой, одетой в белую блузку и синюю юбку, существовало поразительное сходство, но отчего-то эту женщину он до сих пор не замечал. Она взяла дочь за плечи и отвела прочь, что-то выговаривая ей по-французски – язык звучал в ушах Монро как музыка.

Чувство облегчения быстро улетучилось, когда обе заняли место в следующем за Дормовым ряду кресел. Монро не нравилось, что девочка сидит так близко к объекту, однако она была вне зоны поражения, а это – главное.

– Чисто, – чуть слышно сообщил корректировщик.

* * *

Глядя в оптический прицел, Генри вновь позволил себе дышать.

– Подтверди, – попросил он, когда первый вагон скрылся в туннеле. «И побыстрее, твою мать», – мысленно добавил он.

– Даю добро. Все чисто. Действуй, – сказал Монро напряженным, сдавленным голосом.

– Понял. – Палец Генри обнял спуск и надавил на него.

* * *

Момент выстрела – главный момент. Единственный момент истины, когда вселенная приходит в равновесие и обретает смысл. Все причины совпадают со следствиями, все расставлено по местам, и каждое место соответствует его собственной позиции. Генри знал, в какой момент пуля вылетела из ствола, и мог воочию представить себе ее полет в залитом мягким солнечным светом воздухе до самого вагона, где, как и все остальные части вселенной, ей суждено занять предназначенное для нее место.

Да только все вышло не так.

* * *

Генри оторвался от прицела. Незыблемое спокойствие, ясность и убежденность, всегда сопутствовавшие его работе, внезапно улетучились. Идеально уравновешенная вселенная дала сбой. Единственный момент истины не наступил. Покоя как не бывало. Остался обыкновенный стрелок с карабином, лежащий в грязи на брюхе под равнодушным небом где-то на северо-востоке Европы.

Он промазал.

Объяснить, почему он был в этом уверен, Генри не мог, но не сомневался в промахе.

* * *

Монро, разумеется, не мог прочитать мысли Генри. В вагоне поднялся переполох. Мать девочки кричала, прижимая дочь к себе, рукой закрывая ей глаза, хотя ребенок не мог ничего видеть – даже отверстие в окне рядом с Дормовым. Сам Дормов сидел, наклонив голову под неестественным углом, из огнестрельной раны в горле на рубашку стекала кровь.

Его охранники застыли на местах, словно выстрел превратил их в каменные изваяния, включая того, что был особенно говорлив. Они не вышли из ступора, даже когда поезд покинул туннель. Охране здорово достанется от начальства. Им поручили большое дело, а они мелко обделались.

Се ля ви, как говорят французы. Злодей заслужил свою участь. Дормов больше не расколется, не выдаст результаты исследований, на которые США тратили деньги тридцать пять лет. Все, что русский ученый знал о химическом и биологическом оружии, умерло вместе с ним. Катастрофа не состоится, все будет так, как и должно быть. Мир – в порядке.

– Пэ-пэ-цэ мерзавцу, – радостно воскликнул Монро.

* * *

Генри вынул крохотный наушник, не ответив. Обычно, ответная реакция Монро играла роль вишенки на торте, но сегодня снайперу было не до сладкого. Он на автопилоте разобрал карабин, не испытывая обычного удовлетворения от уничтожения террориста – и не просто террориста, а биотерроориста – и очередного спасения мира. Что-то пошло не так, поэтому говорить с Монро пока не о чем.

Глава 2

Генри множество раз путешествовал по миру, сначала в составе морской пехоты, потом по заданию нынешних хозяев, однако в отличие от других бывалых путешественников он не придерживался мнения, что одно место похоже на все остальные. Тем, кто так говорил, просто не хватало наблюдательности. Любое место, где он бывал, имело характерный облик и черты, отличавшие его от других, за одним исключением – заброшенных зданий.

Если бы кто-то завязал ему глаза, привел в заброшенное здание в любой точке мира, приставил к голове пистолет и предложил угадать, не выглядывая в (разбитое) окно, где он находится, он бы не выжил. Во всех заброшенных зданиях пол был усыпан одним и тем же хламом – обломками лестниц и перил,

битым стеклом и мусором, оставшимся от множества тинейджерских попоек или ночевок людей, задержавшихся в пути из ниоткуда в никуда. Заброшенное здание, в котором он находился сию минуту, не составляло исключения.

Он вдруг поймал себя на мысли, что стоит над ящиком с надписью «Рыбий жир», как сомнамбула, держа в руках части от «Ремингтона», не зная, что с ними делать. Надо бы захватить с собой парочку банок рыбьего жира, подзарядить мозги омегой-3, хватит уже пользоваться им только для маскировки оружия. «Меткости, однако, это не прибавит», – с сожалением подумал он, пряча части карабина в упаковку.

– Отправка в то же место? – за спиной бодрым голосом спросил Монро.

– Ага, – Генри невольно улыбнулся. Монро всегда поднимал ему настроение. Парень напоминал пуделя – всегда был рад видеть хозяина, никогда не унывал. Разумеется, он был молод, но не настолько. Большинство агентов РУМО в его возрасте начинали терять лоск и бодрость, Монро пока еще не вступил в эту стадию. Генри хотелось верить, что Монро окажется крепче среднего юноши двадцати с лишним лет. В таком случае контора лишь увеличит натиск, чтобы сломать его. Устоять перед ними невозможно.

– Должен признать: это – твой самый лучший выстрел, – Монро присоединился к Генри с выражением неизъяснимой радости на лице. Воистину, пудель в человеческом облике. – Поправка на ветер, угол возвышения, погрешность на оконное стекло. Я просто…

Генри претило протыкать пузырь восхищения, но выбора не было.

– Куда я попал?

– В шею. В движущемся поезде! – Монро показал ему свой айфон.

Генри в ужасе отшатнулся.

– Ты снимал на телефон?

– И я, и все остальные.

В уме Генри возник образ толпы людей, толкающихся локтями в попытке подойти к мертвецу поближе, причем ни один из них, включая кондуктора, даже не помышляет о том, чтобы позвать на помощь. Чувство омерзения только усилилось. Что нынче творится с людьми? Упыри!

– Господи! – вырвалось у Генри. – Сотри!

– Генри, прежде чем вызвали тебя, к этому типу принюхивались четыре стрелка, все как на подбор. А тут приходишь ты и валишь его с первого раза, – Монро прижал руку к груди и смахнул воображаемую слезу. – Я реально растрогался.

– Сотри! – рыкнул Генри.

– Ладно-ладно, сотру, – Монро предъявил экран телефона. Теперь на нем красовалось фото котика с облачком текста, в котором тот на котэ-языке просил чизбургер. – Вот, все убрал. Доволен?

Генри не сказал бы, что был доволен, – где там! Однако он определенно был бы не доволен, если бы Монро таскал с собой эту похабень. Жаль, что парню приходится обламывать крылья. Но ничего не поделаешь. Когда знаешь истину, ее уже нельзя забыть и незачем пытаться ее отрицать.

Генри протянул ладонь. Монро удивился, немного помялся и пожал ее.

– Спасибо за отличную работу. Желаю удачи.

Генри занялся лежащим рядом с ящиком рюкзаком, застегнул молнию. На лице напарника щенячий восторг сменился растерянностью и предчувствием недоброго.

– Минуточку. Желаю удачи? Типа «прощай»?

Генри закинул рюкзак на плечо.

– Да. Я решил завязать.

На одну-две секунды парень реально лишился дара речи.

– Но почему?

Перед глазами Генри мелькнул образ Дормова с дыркой в шее, согнувшегося пополам в кресле.

– Потому что я целился в голову.

Уходя, он спиной почувствовал огорошенный взгляд напарника. Жестокое обращение с пуделем, а как иначе? Стоило Генри нажать на спуск, как он сразу же нутром почувствовал, что пуля пошла не туда. Гадкая фотография, которую ему показал Монро, только подтвердила, что промах – не старческий глюк невротика. Он давным-давно дал себе клятву – в тот день, когда промажет, подаст в отставку, – и не мог теперь ее нарушить. Следующий промах может не сойти ему с рук.

Черт, по пуделю он будет ужасно скучать.

Глава 3

Если все места разные (за исключением брошенных зданий), напрашивается естественный, как смена дня и ночи, вывод: везде хорошо, а дома лучше. Даже если Генри полностью ошибался насчет всего прочего, он был твердо уверен в одном – второго такого места, как лагуна Баттермилк-Саунд в речных эстуариях штата Джорджия не сыскать.

Генри неторопливо прошелся по длинным мосткам до лодочного сарая, стараясь по привычке держаться посередине обветшавшего настила. После ухода из конторы он собирался воспользоваться близостью к воде на всю катушку. Однако, прежде чем раз и навсегда выбросить из головы задание в Льеже, предстояло сделать еще одно дело.

В лодочном сарае он достал из одного кармана фотографию Валерия Дормова, из другого – зажигалку «Зиппо». Огонь зажегся с первого поворота колесика. Генри поднес зажигалку к фотографии, некоторое время наблюдал, как пламя пожирает лик русского ученого, и бросил горящий снимок в аквариум на полке,

где тот лег поверх кучки пепла от других фотографий, сожженных после прежних заданий.

Вот и все. Теперь он точно на пенсии.

Генри повернулся, чтобы идти к дому, но в последний момент остановился. Аквариум для золотых рыбок, заполненный чуть больше чем наполовину пеплом, – неужели это и есть итог всей его жизни?

Какому-нибудь офисному хомяку в ознаменование многолетнего бития баклуш преподнесли бы золотые – вернее, похожие на золотые – часы. Он принес бы их домой и однажды умер от сердечного приступа, сидя перед телевизором, покинув этот мир, не оставив в нем следа. Но после него хотя бы останутся часы, некий полезный предмет. А из пепла в аквариуме даже приличных конфетти не сделаешь.

Генри тряхнул головой, отгоняя грустные мысли. Чего это на него нашло? К черту! Часы у него и так есть; несмотря на возраст, все еще работают. Ему часы нужны не для того, чтобы отсчитывать время, оставшееся до смерти.

Генри вернулся по мосткам к дому. Черт! Последний промах теперь все перекрашивал в серый цвет.

* * *

Яркий солнечный свет в гостиной улучшил настроение и развеял уныние, застрявшее в душе после Льежа. Комната была открытой, просторной, с окнами шире, чем простенки. Генри любил смотреть на природу прямо из дома, а еще больше любил окунуться в солнечный свет – особенно по возвращении с задания. В отличие от Льежа чаще всего задания приходилось выполнять под покровом темноты, ему ли не знать, как плохо нехватка солнечного света отражалась на самочувствии.

Он сидел в святая святых дома, где проводил больше всего времени после заданий, а потому помещение имело неординарную обстановку. У общей стены гостиной и кухни стоял шкаф, где он хранил свой рабочий инструмент, разложенный согласно эстетическому вкусу и одновременно в порядке

нужности. Отвертки, гаечные ключи, стамески, развертки, плоскогубцы, торцевые головки, шурупы, гвозди и все прочее выстроились не только по ранжиру, но и по степени удобства, зависящей от частоты употребления. Генри словил огромный кайф, создавая эту систему, основанную на правиле 20/80, – двадцать процентов инструментов использовались восемьдесят процентов времени, и наоборот. Может быть, покинув убойный бизнес, стоило подумать о карьере оформителя витрин для хозяйственных магазинов? Он обожал хозяйственные магазины еще ребенком. Торговля инструментами следовала железному правилу – 100 % товара незаменимы в 100 % случаев.

По соседству стоял верстак с большим увеличителем. Генри поставил его в таком месте, чтобы, работая, не пропускать игры любимых «Филлис»[1 - Профессиональная бейсбольная команда из г. Филадельфия (прим. пер.).] по телику. Даже мастеря скворечник, следил за игрой. Он глянул на висящее за окном творение своих рук и повеселел еще больше.

Решение сделать скворечник явилось неожиданно. Возможно, от балды – по крайней мере, пока только-только приступал к работе. Обычно постройкой скворечников занимаются девятилетние мальчишки, чтобы вступить в скауты, а не профессиональные снайперы экстра-класса, скрашивающие досуг между убийствами. Удивительно, но процесс – выпиливание частей, склеивание, ошкуривание, покрытие защитной пленкой и лаком – доставил ему огромное удовольствие. Закончив работу, Генри почувствовал, будто открыл в себе новые качества. Кто бы взялся предсказать, что пятидесятилетний киллер может такое отчебучить? Пятидесятилетний, но только самую малость – еще вчера был сорокалетний. Черт, когда он успел состариться?

Вешая скворечник на дерево, Генри испытал настоящее блаженство. Он своими собственными руками построил дом. Пусть маленький, не лодочный сарай и даже не садовый – эти постройки он заказывал специалистам. Но все же создал убежище для живых существ, которые в нем осядут и будут считать своим домом – по крайней мере, до нового перелета. Сколько снайперов занимаются творческим трудом после заданий? Вероятно, нисколько.

Скворечник покачивался на ветру. Генри нахмурился. Непорядок. Видимо, после Льежа не получилось до конца освободиться от мрачных мыслей. Из-за неудачного выстрела весь мир, казалось, сдвинулся процентов на десять от нормы.

Нет, не в этом дело. Непорядок ему не почудился.

Вскоре он понял причину – от соединения крыши со стенкой скворечника на левом боку отошли две щепки. Большинство людей их бы не заметили, а заметив, вряд ли бы пошли исправлять.

Но люди – это не птицы в поисках гнезда. В глазах птиц щепки выглядят как заостренные колья. Потенциальный жилец, подхваченный порывом ветра и не удержавшийся на насесте, мог легко на них напороться. Вот, видимо, почему скворечник пустовал с самого начала. Ошибки начинаются с мелочей, даже в мире пернатых.

Генри подошел к шкафу с инструментами и выдвинул ящик, в котором держал нарезанную мелкими квадратами наждачную бумагу, рассортированную по степени зернистости. Он выбрал средний квадратик, подумав, поменял его на менее жесткий и отправился чинить скворечник.

Закончив, он посмотрел вокруг в поисках жильцов. «Ну вот, ремонт закончен. Прилетайте уже, пока жилье не захватил злюка зимородок и вам не пришлось растить птенцов в гнезде на открытом воздухе под терновым кустом», – мысленно произнес он. Вместо птичьего щебета он услышал сигнал тревоги с телефона. Это означало, что к дому приближается чей-то автомобиль.

Генри знал, кто к нему едет, мысленно готовился к визиту и ожидал, что он последует раньше. Видно, пробки на дорогах помешали. Он начал обходить дом спереди, потом вспомнил, что все еще держит в руках наждачную бумагу, и, не обращая внимания на гудки, вернулся в гостиную. Даже если б на порог явилась целая компания архангелов, объявила о наступлении Судного дня, сказав, что его задница теперь трава, а Бог – газонокосилка, он бы заставил их ждать, пока не приведет все в порядок. Всему свое место, и Генри, прежде чем приступать к следующему делу, всегда проверял, все ли, черт побери, было на своем месте. Его дом – его правила.

Раздался еще один гудок клаксона. Генри вышел. Дел Паттерсон припарковал свою сухопутную яхту (как всегда, неуклюже), выскочил с водительского сиденья и бросился навстречу Генри, размахивая рапортом об уходе в отставку, который ему доставили днем раньше.

– Ты что удумал?! – воскликнул Паттерсон вместо приветствия.

– Ага, я тоже рад тебя видеть, Дел, – ответил Генри. – Заходи, присядь, чувствуй себя как дома, а я пока приготовлю выпивку.

Минуту спустя Паттерсон примостился на краешке дивана в гостиной. Яркий солнечный свет не повлиял на его настроение. Генри вернулся с кухни с пивом и кока-колой, Дел держал рапорт наготове.

– Я должен был уйти, – сказал Генри. – Оступиться разрешается почти на всякой работе. Но только не на этой».

– Лучше тебя у нас все равно никого нет, – возразил Паттерсон. – Ни у кого нет. Можешь мне поверить, мы проверяли.

Генри поставил кока-колу на столик перед коллегой. Дел смотрел набычившись, как человек, доведенный до крайности, не желающий больше отступать. Очки в черной оправе иному владельцу придают вид оторванного от жизни профессора. Паттерсон в них выглядел символом суровой власти, решения которой не подлежат обсуждению.

– Прохладительное? Только не сегодня, – Дел скомкал рапорт, бросил на столик и щелчком сбросил его на пол.

Генри вскинул брови.

– Уверен?

– Ты действительно уходишь в отставку? – ровным голосом спросил Паттерсон. Генри кивнул. – Тогда уверен.

Генри заменил кока-колу пивом. При первой же встрече он заметил, что Паттерсон любит выпить, со временем любовь эта только набирала силу. Подчас казалось, что пьянство вскоре заменит ему все остальное, как вдруг однажды – без торжественных клятв, громких заявлений и оправданий – Паттерсон перешел исключительно на кока-колу.

Все, включая Генри, гадали, как долго он протянет, ждали, пока сам Дел что-нибудь скажет, никто не хотел лезть первым с расспросами. Один агент, страдавший тем же недугом, спросил его, не записался ли он в друзья Билла Уилсона.[2 - Основатель «Общества анонимных алкоголиков».] Паттерсон отреагировал на вопрос крайним недоумением.

Наконец, Генри решил узнать наверняка. От этого могла зависеть его собственная жизнь. Паттерсон сказал, что работа требовала от него постоянной готовности днем и ночью без выходных. Поэтому, ради подчиненных ему агентов надо оставаться трезвым. Больше он ничего не пожелал раскрывать. Разговоры – дешевка, поступки говорят больше, чем слова, тема была закрыта.

Генри был вполне удовлетворен. У каждого человека есть свои резоны поступать так, а не иначе. Если Паттерсон нашел свой способ не скатиться по наклонной в пропасть, то флаг ему в руки. Генри был рад, что в коллеге не надо больше сомневаться.

Чего доброго, теперь Паттерсон заявит, что Генри вынудил его вернуться к пьянству. Генри присел рядом с ним на диван, выдержав грозный, как луч смерти, взгляд.

– Стрелять многие умеют, – заметил Генри, – группы наблюдения и обнаружения целей у морпехов, рейнджеры сухопутных войск, «морские котики».

– Ты – особая категория, – сказал Паттерсон осуждающим тоном, словно Генри сам был в этом виноват. – Такой репутации, как у тебя, ни у кого нет.

– То-то и оно. Репутация как раз вредит делу. У меняя ее слишком много. Мы оба знаем: с возрастом стрелки не становятся лучше – они попросту стареют.

– Кто тогда закончит обучение Монро? – обиженно спросил Паттерсон. – Парень мне три раза звонил, просил, чтобы я уговорил тебя вернуться.

Генри со вздохом покачал головой.

– Зря он так.

Дел подался вперед с решительным выражением.

– Генри, мы с тобой многое повидали. Благодаря нам мир стал надежнее. Не выполни мы того, что нам поручали, погибли бы хорошие люди, плохие люди извлекли бы наживу, пострадало бы добро, а всякое дерьмо стало бы только наглее. Мы занимаемся важным делом, оно имеет смысл. Но чего-то достичь я смогу, работая только с теми, на кого могу положиться, а к новичку у меня нет такого же доверия, как к тебе.

Генри опять затряс головой.

– Честно, Дел, на этот раз что-то пошло не так. Пуля не попала точно в цель именно поэтому, даже грунт подо мной словно подменили.

Паттерсон обвел взглядом комнату, словно искал поддержку своим контрдоводам, и тут заметил скворечник за окном.

– И что теперь? Будешь делать скворечники?

– Дел, рядом с объектом вертелась маленькая девочка. Ошибись я на пятнадцать сантиметров, я бы ее убил. С меня хватит!

По лицу Паттерсона можно было понять, что он наконец-то услышал своего подчиненного, а услышав, пришел в уныние. Генри не рассчитывал, что разговор будет легким. Их профессия оставляла мало места для личной свободы, общения с другими людьми. Все время требовалось отдавать работе, только работе и ничему, кроме работы, даже в ущерб коллегам по команде. Каждый полагался на то, что другой займет нужное место в нужное время и выполнит нужные действия. Все тщательно планировалось, не допускались никакие неожиданности, лишние движения, глупые случайности, оплошности – чтобы не погибли посторонние. Всякий раз, когда он думал об этом, Генри трясло от осознания, что он лишь по чистой случайности пока ни разу не попадал в ребенка. В ребенка!

– Знаешь, когда я начинал службу в корпусе, у меня не было никаких сомнений, – сказал Генри. – Мое дело – мочить негодяев. Артистичное исполнение, любыми средствами. Но в Льеже… – он покачал головой, – в Льеже артистизмом и не пахло. Мне просто повезло. Я не прочувствовал выстрел как положено.

Генри замолчал, тяжело вздохнул.

Выражение на лице Паттерсона сменилось с обиды на покорность. Как профессионал, он все понял.

– Дело не только в возрасте. Я поразил семьдесят две цели, – продолжал Генри, – столько, что это начинает расшатывать что-то глубоко внутри меня. Как если бы душе стало невмоготу. Похоже, я исчерпал отведенную мне норму экзекуций. Хочу покоя – больше ничего.

Паттерсон тяжело вздохнул.

– А мне что теперь прикажешь делать?

Вопрос застигнул Генри врасплох. Паттерсон – куратор, планировать и распоряжаться – его обязанность. Это Генри полагалось спрашивать у Паттерсона, что ему делать, а не наоборот.

Снайпер развел руками и пожал плечами.

– Пожелать мне всего хорошего?

Глава 4

У пристани Баттермилк-Саунд стояли яхты побольше, побогаче и помощнее, но, по мнению Генри, ни одна из них не могла сравниться элегантностью с «Эллой Мэй».

Спущенная на воду в 1959 году, яхта была одной из самых маленьких в клубе, зато корпус ее целиком состоял из полированного дерева. Этот факт ставил судно в глазах Генри на несколько уровней выше корыт из стеклопластика, пришвартованных по соседству, независимо от размеров, навороченности и цены последних. Деревянный корпус требовал тщательного ухода – как и любая вещь, обладающая настоящей ценностью.

Генри подвел «Эллу Мей» к мосткам с топливными насосами и наполнил бак. Покончив с заправкой, он поправил кепку с эмблемой «Филлис» и направился к будке перед офисом яхт-клуба. К его удивлению, там дежурила новенькая – приятная на вид, улыбчивая женщина, темноволосая, розовощекая, удручающе молодая, в тенниске с надписью «Баттермилк-Саунд». Завидев Генри, она вынула из ушей «капельки».

– Доброе утро! – поздоровалась она веселым, искренним тоном и, как показалось Генри, без тени фальши.

– Привет! – ответил он. – Что случилось с Джерри?

– Ушел на покой. – Лицо девушки озарила улыбка. – Ему надоела здешняя суета. Меня зовут Дэнни.

– Генри. – Он невольно подумал, что никогда сам не выглядел так молодо, даже в ее возрасте. – Я вам должен двадцать три доллара сорок шесть центов.

– Что будете ловить? – Зрачки девушки чуть расширились, когда он протянул стодолларовую купюру.

– Тишину и покой. И макрель заодно.

Дэнни с улыбкой отсчитала сдачу.

– Тогда, думаю, пойдете к Бичерс-Пойнт?

Джерри никогда не проявлял подобного любопытства. Может, набиваясь в знакомые, старается установить хороший контакт с клиентурой?

– А вы рекомендуете? – игриво спросил Генри.

– Денек вполне подходящий.

Прежде чем Генри успел ответить, мимо пролетела пчела. Он машинально сдернул с головы кепку и сбил ее налету. Пчела упала на стол.

– Ух ты! – воскликнула Дэнни, высунувшись из-за стойки, чтобы рассмотреть насекомое. – Сам живи и другим не мешай – это не про вас ни разу?

– У меня смертельная аллергия на пчел, – сказал Генри. – Вы что, студентка? Или заклинательница рыб? – Он кивнул подбородком на учебник, лежащий на стойке. На обложке – художественное фото из тех, что и обыкновенную медузу наделяют неземной красотой.

– Продираюсь через аспирантуру. По морской биологии.

– Университет Джорджии, в Дариене?

– Вперед, Собаки![3 - Девиз команды по американскому футболу Университета Джорджии; также название университетского гимна (прим. пер.).] – вскинула вверх сжатый кулак Дэнни.

– Будьте осторожны, здесь на пристани тоже водятся собаки, – хохотнул Генри.

– Пусть только сунутся, – бодро заверила его девушка и вставила «капельки» обратно в уши. Генри поплелся назад к яхте, чувствуя себя последним дураком. «Здесь на пристани тоже водятся собаки» – зачем он это брякнул? Если собрался раздавать отеческие советы юным девам, пора завести войлочные тапки, вязаный кардиган с кожаными заплатами на локтях и чертову курительную трубку. Может, сбегать и сказать, чтобы, переходя улицу, смотрела по обеим сторонам? Такая молодая, чего ж не напомнить?

Генри глянул на часы. Нет, времени для глупостей больше не осталось. Его ждали в другом месте.

* * *

После часа одиночества и музыки Телониуса Монка под мерное покачивание «Эллы Мэй» на волнах настроение Генри заметно улучшилось. Морю неведомы преклонный возраст, отставки, неудачные выстрелы и дурацкие заигрывания с приятными юными девушками в офисах яхт-клубов. Лишь просоленный свежий воздух, легкая качка и неповторимые звуки пианино Монка. Парень играл так,

что его музыку не просто слушаешь, а чувствуешь всем телом. Брал клавиши штурмом, извлекая из них нечто большее, чем музыка. Кроме Монка, так никто не умел.

В море Генри мог расслабиться до конца, чего никогда не получалось на суше. Погружаться в воду он страшно не любил. Находиться на воде – другое дело. Для живого человека нет состояния ближе к раю. Он поглубже надвинул кепку с эмблемой «Филлис» и отдался легкой дреме, или так ему показалось. Когда он услышал приближающийся звук мотора и сел, солнце в небе поднялось заметно выше.

Гул мотора – низкий, объемный – нарастал, где-то рядом двигалось крупное судно. Генри перегнулся через правый борт и побрызгал морской водой на лицо, чтобы проснуться. Повернувшись, чтобы взять лежащее на пассажирском сиденье полотенце, он увидел большую яхту, приближающуюся с левого борта.

Генри узнал если не модель, то марку судна. Такие покупали миллионеры, обласканные не только богатством, но и чувством вкуса. На небольшой верхней палубе с навесом, где находился штурвал, места хватало только для шкипера и еще одного человека. Некоторые шкиперы не любили брать с собой пассажиров. Похоже, этот был из их числа. Хозяин судна сбросил газ и поставил его параллельно «Элле Мэй», отчего та пробкой закачалась на расходящихся волнах.

Шкипер выключил двигатель и улыбнулся Генри. Генри тоже его узнал, хотя они не виделись больше двадцати лет, и улыбнулся в ответ.

* * *

Нижняя палуба «Стертой восьмерки»[4 - Намек на моментальную лотерею, где нужно стереть восемь совпадающих полей, чтобы выиграть главный приз (прим. пер.).] дышала элегантностью – широкие мягкие диваны тянулись вдоль стен из полированного дерева, подводя взгляд к мини-бару, облицованному тем же материалом. Бар как бы задавал общий тон, с правого борта рядом с ним под палубу уходила винтовая лестница. Генри яхта показалась особняком, превращенным в плавающий загородный дом. Это было совершенно в характере Джека Уиллиса.

Джек, одетый в расстегнутую белую рубаху, цветастые пляжные шорты и палубные мокасины, всей своей внешностью поддерживал облик хозяина плавучего особняка. Хотя время обошлось с Джеком не столь сурово, как со многими другими знакомыми Генри, он определенно постарел. Как и в прошлом, приятель Генри был скор на улыбку, однако морщинки в уголках глаз накопились скорее из-за тревог, чем от веселых улыбок. Нижняя челюсть уже не выступала вперед так явно, туловище слегка раздалось в стороны посредине, но мускулы он не растерял. Джек двигался с беспечной физической грацией человека, которому редко приходится сидеть за рабочим столом.

Генри, неизвестно почему, ощутил прилив неуместного смущения. У Джека на запястье был выколот тот же зеленый туз пик – обоим можно было не притворяться. Друг исчез из поля зрения Генри, когда решил уйти на частные хлеба. Джек и его приглашал, но Генри отказался. Время от времени Джек присылал ему открытку, обычно с какого-нибудь роскошного пляжа, нацарапав короткое сообщение: «Не хотел бы присоединиться? Не передумал?»

Через некоторое время открытки перестали приходить, Генри понял, что Джек, в конце концов, смирился с отказом. Меньше всего Генри рассчитывал на телефонный звонок с просьбой о встрече. Генри был тем не менее рад ей, и как только Джек передал координаты, с нетерпением ждал появления друга. А тут вдруг почувствовал себя зеленым салагой, не знающим, куда девать руки и глаза.

– Похоже, спрашивать, как идут дела, необязательно, – сказал Генри, с улыбкой озираясь вокруг.

– Ты и сам мог все это иметь. Я тебе всего-то раз десять предлагал, – застенчиво улыбнулся Джек. Генри понял, что его друг тоже нервничает. – Рад тебя видеть, Генри.

– Да, и я тебя тоже, – искренне ответил Генри.

Они обнялись, оба чувствовали себя не в своей тарелке. И все же они столько повидали вместе, что некоторая неловкость не могла омрачить встречу.

– Что поделываешь? Охотишься на баб? – кивнул Генри на расстегнутую до пупа рубашку.

Джек хохотнул, они перешли в кабину.

– Спасибо, что быстро откликнулся.

– Все еще женат? – спросил Генри.

– Ага. Жена уехала в Париж гулять по магазинам, сын – в интернате в Швейцарии. А ты?

Генри покачал головой.

– Ни жены, ни сына, ни Парижа.

Джек подошел к бару из полированного дерева и достал из маленького холодильника несколько бутылок пива. Он открыл две, одну подал Генри, друзья подняли бутылки для традиционного тоста.

– За следующую войну, – сказал Джек. – Чтобы она не началась.

– Чтобы не было войны, – поддержал Генри. Они чокнулись бутылками и выпили. Последний раз они пили вместе двадцать лет назад. Генри пожалел, что нет времени прочувствовать момент встречи, однако оба прибыли на нее не для того, чтобы пить пиво и рассказывать о личной жизни.

– Ну ладно, что у тебя?

Джек усмехнулся.

– Ты по-прежнему не любишь тратить время на ерунду?

Генри вопросительно склонил голову набок.

– Я-то не против, брат. Но ты сам говорил, что дело срочное.

Джек кивнул и повел его на корму, по дороге прихватив со встроенной полки лэптоп. Они сели спиной к кабине, Джек открыл компьютер. Экран немедленно ожил.

– Узнаешь? – спросил хозяин яхты.

Генри узнал. Он видел это фото не далее, как вчера, когда поджег его и бросил догорать в аквариум. Стараясь не подавать виду, он повернул лицо к Джеку.

– А кто спрашивает?

– Твой старый друг, обеспокоенный, что ты влип, – на загорелом лице Джека обозначилось серьезное выражение, какого Генри не видел много лет и надеялся не увидеть больше никогда. – Так узнаешь или нет?

– Да. Несколько дней назад шлепнул его в Льеже.

– Тебе сказали, кто он такой?

Генри нахмурился. Конечно, сказали – контора всегда давала описание объекта ликвидации. И Джек это знал.

– Валерий Дормов, террорист.

Джек скривился.

– Нет. Валерий Дормов, молекулярный биолог, – пробурчал он. – Проработал в Штатах больше тридцати лет.

Он тронул сенсорную панель одним пальцем, изображение съежилось до размеров фотографии Дормова на водительских правах, выданных в штате Джорджия и еще действительных.

– Но я читал его досье, – возразил Генри. Ему показалось, что в желудке застрял большой кусок льда. – Там было сказано, что он – террорист.

– Досье заряжено, – сообщил Джек. – Только я не знаю кем.

Яхта почти не двигалась на спокойной воде Баттермилк-Саунда, но Генри показалось, что весь мир накренился набок. Он ожидал увидеть покосившийся горизонт, однако все казалось нормальным. Да только где там! Неужели Дел Паттерсон его обманул?

Два с половиной десятка лет Генри передавал свою жизнь в руки Дела Паттерсона, всегда веря на двести процентов, что информация, поступающая от куратора, надежна. Но Джек – все равно что брат. Он бы не попросил встречи с Генри впервые за столько лет, не будь он полностью уверен в фактах.

– А смысл? – выдавил из себя Генри после долгой паузы.

Джек с извиняющимся видом пожал плечами.

– Боюсь, этого я тоже не знаю. Но когда Дормов перебежал на другую сторону, это многих всполошило.

Мысли Генри лихорадочно забегали. Что, если Паттерсон не лгал? Его самого могло обмануть старшее начальство. Кто Паттерсон – коварный предатель или ничего не подозревающий простофиля? И в том, и в другом куратора Генри трудно было заподозрить.

– Кто тебе все это рассказал?

Джек замялся, как если бы опасался сказать лишнее.

– Друг с другой стороны.

Друг?! Генри прекрасно представлял себе, кем мог быть этот друг. Увы, с такими людьми он никогда не имел контактов. Чтобы докопаться до истины, придется уточнить личность этого друга, а также убедиться, что самого Джека не обвели вокруг пальца. Да только Джеку палец в рот не клади – он чуял лжецов за милю против ветра, и все же единственный способ убедиться на сто процентов – встретиться с источником Джека лицом к лицу. Джек поймет. Поменяйся они местами, Джек поступил бы точно так же.

– Я хочу поговорить с твоим другом, – сказал Генри.

Джек поперхнулся пивом.

– Ну, конечно! Всегда пожалуйста! Что предпочитаешь – «Скайп» или «Фейстайм»?

Генри сохранил нейтральное выражение.

– Я должен сам поговорить с ним.

Генри буквально мог видеть невооруженным глазом, как вскипает разум Джека, перечисляя причины невозможности такого контакта и примеряя их к пониманию, что Генри ни за что не отступится.

– Какого черта! Чувак передо мной в долгу, – сказал, наконец, Джек. Он вставил бутылку в подстаканник и быстро набрал несколько слов на клавиатуре. Повернув экран к Гери, он показал надпись, сделанную большими черными буквами:

ЮРИЙ КОВАЧ

БУДАПЕШТ

Генри хотел поблагодарить, как вдруг услышал сзади какой-то звук. Он обернулся и увидел невероятно красивую женщину, поднимавшуюся по ступеням из подпалубного помещения. Когда она вышла из кабины, Генри заметил удивительно густую копну волос медового цвета и не менее удивительную фигуру в сидящем как влитое бикини, прикрытом лишь прозрачной, ничего не скрывающей пелеринкой.

Женщина на секунду задержалась, чтобы поверх солнечных очков взглянуть на Джека с холодно-сдержанным и одновременно властным выражением. Отвернувшись, она элегантно вспорхнула по ступеням в нарушение, как показалось Генри, закона притяжения на верхнюю палубу. Он вопросительно глянул на Джека. Явление девушки, очевидно, было связано с некой загадочной

историей.

Джек ухмыльнулся и небрежно пожал плечами.

– Это – Китти. Помогает мне наверстывать все то, в чем я отказывал себе на службе в РУМО.

– Я должен поверить, что ты не занимался этим, когда служил в РУМО? – засмеялся Генри. Он хотел было намекнуть, что в то время, когда они уже начали работать вместе, это чудесное существо только-только училось раскрашивать картинки мелками, но вовремя прикусил язык. Джек и без него прекрасно это знал.

* * *

Хозяин провел гостя по всем помещениям плавучего особняка – лучше многих, которые Генри видел на суше. Прекрасная Китти больше не показывалась и не поддержала их компанию. Казалось, она растаяла в воздухе, что иногда свойственно красивым женщинам. Только они обладают таким сверхъестественным свойством. Джек больше о ней не упоминал, Генри тоже. Люди, совместно проливавшие кровь, не обсуждают, какими способами их соратники борются со стрессом, даже если кровопролитие закончилось два с половиной десятилетия назад.

Они вернулись на корму, выпили еще пива, посидели, глядя на воду, балдея от ощущения, что вокруг, насколько хватало глаз, нет ни одной живой души. Генри – тот точно словил кайф от созерцания купола безмятежной небесной лазури.

Безмятежной, да не совсем. В небе мелькнула искра – солнечный зайчик, отраженный металлической поверхностью. Как если бы гладкую голубизну неба проткнул металлический осколок. У Генри возникло недоброе предчувствие. Однако после всего, что ему рассказал Джек, надеяться на добрый исход не было никакого резона.

– Ты очень рисковал, встречаясь со мной, – сказал Генри, оторвав взгляд от сверкающей точки. – Зря ты так.

– Знаю. А что еще оставалось делать? Ты мне как брат, – голос Джека на последних словах дрогнул.

– Ты мне тоже, – ответил Генри, окончательно расстроившись. С людьми, побывавшими вместе в боевых условиях, эмоции могут сыграть дурную шутку, однако Джек всегда умел сохранять выдержку, держать эмоции под спудом и не терять из виду непосредственную угрозу.

Но сейчас они были не в бою. Или, по крайней мере, не рассчитывали быть. Искра в небе однако предвещала иное.

Глава 5

– Тебе сказали, кто он такой? – раздался голос Джека.

– Валерий Дормов, террорист, – ответил Генри.

– Нет. Валерий Дормов, молекулярный биолог. Проработал в Штатах больше тридцати лет.

Голос Джека Уиллиса звучал четко, словно он сидел с Джанет Ласситер и Клэем Веррисом в ее кабинете, а не на яхте посреди Баттермилк-Саунда, над которой на высоте 1200 метров парил, передавая разговор живьем, беспилотник. Разрешение камеры позволяло точно установить всех, кто находился на борту.

Уиллис и Броган еще не закончили разговор, как вдруг женщина появилась вновь. Ласситер скорчила недовольную мину. Она почти забыла, что Уиллис явился на встречу с Броганом не один. Вряд ли молодая подруга Уиллиса решит провести остаток дня в магазинах Саванны и за роскошным ужином в дорогом ресторане.

Женщина поднялась на верхнюю палубу, сбросила накидку и устроилась в небольшом джакузи сразу за штурвалом, подогнув длинные ноги и откинув яркие золотистые волосы на палубу, чтобы не замочить красоту. Ласситер поразилась – зачем размещать джакузи в таком месте?

Как зачем? Показать мощь денег. Любой, у кого их достаточно, мог купить дорогую яхту, да только что толку, если твоя яхта не отличается от других больших посудин в каталоге? Важна не покупка большой дорогостоящей яхты, важен впечатляющий дорогущий эффект. Обычные люди для той же цели используют наклейки на бамперах и татушки.

Ласситер было жаль молодую женщину. Должно быть, увидела Джека на его яхте и подумала, что знает, на что подписывается. Возможно, даже вообразила, будто разобралась в Джеке Уиллисе. На самом деле бабенка не подозревала, во что вляпалась, и, по опыту Ласситер, так случалось со многими – если не со всеми – молодыми женщинами. Себя к их числу Джанет не относила.

Она не питала ни малейших иллюзий насчет избранной сферы деятельности. Разведка всегда была мужским клубом, и РУМО не являлось исключением. С первого дня Ласситер усвоила: чтобы чего-то достичь, получить очередное звание, придется царапаться, толкаться, кусаться. И так – всю карьеру. Потолка как такового не существовало, потолков было множество, вместо одного появлялся новый. Оставалось лишь долбить его головой, пока не сломаешь либо потолок, либо голову.

Чем выше она забиралась, тем толще становились потолки, тем тверже должна быть голова, ибо руку помощи никто не протянет. Никто означало, что ни один мужчина не сделает для тебя потолок проницаемым, пару раз хорошенько по нему стукнув, не подсунет тебе ножовку и не покажет тайный обходной путь, даже если этот мужчина – твой отец. Иначе он бы не гордился, что дочка уродилась в папу.

Если бы кто-то из коллег-мужчин помог бы одолеть очередную ступеньку, разумеется, все остальные сочли бы, что Джанет с ним переспала. Дурацкое предположение – Ласситер лично убедилась, что ни одна женщина пока еще не взобралась на самый верх конторы через постель. Некоторым интрижками удавалось проложить дорогу до среднего уровня, однако амбиции Ласситер всегда были неизмеримо выше.

Она много лет раздавала тумаки, толкалась и рвала когтями, и в конце концов достигла стратосферы, где воздух был холодным и разреженным. И никто не увидит, как она ежится от холода и хватает ртом воздух. Каждое утро, вставая с постели и принимая деловой вид, являясь на работу на час раньше всех

остальных, Джанет повторяла про себя: да, оно того стоило – совершенно, определенно и несомненно, ее не преследовали задние мысли, разочарование либо досада. Ни капельки. Она добилась своего. Она – директор. Это – божественный статус, не тупик, не синекура и не беличье колесо, созданные для того, чтобы посредственному, недальновидному, лишенному честолюбия хомячку-работяге казалось, будто он чего-то там достигает, пока не свалится и не протянет ноги.

Пусть она «бездушный дьявол в юбке из девятого круга ада», как ее назвали две сотрудницы в женском туалете, не подумавшие, что их разговор мог услышать кто-то еще, все равно это лучше, чем быть секретаршей-сплетницей под гордым титулом «помощника-референта».

В пользу возомнивших о себе рабов на зарплате говорило только то, что ни одному из них не приходилось иметь дело с человеком, сидящим сейчас в ее кабинете и дышащим одним с ней воздухом.

Ласситер невзлюбила Клэя Верриса с первого взгляда. Постоянные контакты на протяжении многих лет превратили неприязнь в глубокую, стойкую ненависть. Однако обожание Веррису вовсе не требовалось. Любовь Клэя Верриса к самому себе была, вне всяких сомнений, намного сильнее ненависти Ласситер. Он мнил себя провидцем, Стивом Джобсом военного дела. Крупнокалиберным Стивом Джобсом в полном боевом снаряжении за вычетом причуд.

Работающие в разведке люди, как правило, сдержанны, однако Веррис был настолько лишен эмоций, что по сравнению с ним питон показался бы игривым щенком. А еще он умел включать и выключать бесстрастность по желанию. В сфере, кишащей опасными людьми, это качество придавало ему убийственную эффективность. Ласситер знала, что с ним надо быть начеку, но отказывалась поддаваться страху.

– Как жаль, – сказал Веррис, резко и в то же время буднично, как если бы вел разговор, слышный ему одному. Ласситер не удивилась. Голоса в голове Верриса, видимо, не на шутку расшумелись. Она подождала, что он еще выдаст.

– Генри всегда мне нравился, – добавил он.

На мгновение Ласситер засомневалась, правильно ли расслышала, а когда поняла – пожалела.

– Генри служит в РУМО, Клэй. Он один из моих людей.

Веррис бросил недовольный взгляд.

– Он уже знает, что ты его обманула.

– Мы приставили к нему человека, – ответила Ласситер. – Стандартный протокол при выходе агента на пенсию. Мы удержим его в рамках.

– В рамках? – презрительно усмехнулся Веррис. – Генри Брогана? Ты не поняла смысл их разговора? Он вышел на связного Дормова и будет распутывать эту ниточку, пока мы с тобой не окажемся у него на мушке.

Ласситер покачала головой.

– И все-таки…

– А его куратор, ну, лысый этот?

– Паттерсон? – Ласситер пожала плечами. – Он будет недоволен, но против меня не пойдет. Дел не станет возникать.

На самом деле директор вовсе не была в этом уверена, но теперь Веррис хотя бы воздержится от убийства Паттерсона. По крайней мере, она на это надеялась.

– Я обрежу концы, – сказал Веррис. – Все будет похоже на операцию русских.

Ласситер ощутила вспышку гнева.

– Ты ничего не будешь делать! Я сама справлюсь. Сообщу своим людям, что Генри – перевертыш.

Веррис надменно фыркнул.

– Обломавшись с Дормовым четыре раза? Нет уж. Без «Гемини»[5 - Близнецы (лат.); также: биваленты или пары гомологичных хромосом, образующиеся при делении клеточного ядра.] ты не справишься.

Опять всколыхнулся гнев – еще сильнее прежнего.

– Я не позволю тебе совершать покушения на территории США…

– У тебя нет человека, способного ликвидировать Генри Брогана, – повысил голос Веррис. – А у меня есть.

В такие моменты Ласситер понимала, почему люди иногда поддаются первобытному порыву дать ближнему в морду. Веррис всегда вызывал у нее подобную реакцию.

– Спасибо, мы сами уберем за собой дерьмо, – произнесла она тоном адского дьявола в юбке.

Веррис с каменным лицом медленно подошел к ее столу и оперся на него кулаками.

– Все, над чем мы работали, теперь под угрозой – и все из-за твоих промахов. – Веррис уставился на нее, словно пытался скомкать ее лицо взглядом, но дьяволица устояла. – У тебя есть последний шанс не запороть дело. Давай, удиви меня.

Он выпрямился, все еще сверля Ласситер убийственным взглядом, и только тогда вышел из кабинета. Дьявол в юбке не испугалась – по крайней мере, пока. И все же Джанет Ласситер была не на шутку встревожена.

* * *

Привязав «Эллу Мэй» к свае у причала, Генри, прежде чем сойти на берег, решил дослушать соло Монка на пианино. За время, прошедшее после того, как он отшвартовался от «Стертой восьмерки» с обреченно улыбающимся и машущим рукой Джеком Уиллисом и подрулил к пристани, искорка в небе исчезла, что не

сулило ничего хорошего. Несмотря на радость встречи со старым другом, внезапное появление Джека было сродни этому блику – оно предвещало грядущие потрясения, которые все перевернут вверх тормашками. А потому лишняя пара спокойных минут не помешает.

Генри отклонился назад и вытянул ноги на соседнем сиденье. Монк подбирался к финалу «Misterioso». Взгляд Генри упал на приборную доску.

Датчик угла перекладки руля был слегка сдвинут, как если бы кто-то выковырнул его из приборной доски и поспешно вставил на место. Генри ощутил, как закипает гнев. Доску вытачивали вручную, нельзя же просто так вынимать и вставлять части, это вам не кубики лего. «Элла Мэй» – элегантная дама, у нее каждый волосок – или датчик – на месте. Генри относился к ней с исключительным уважением, и она неизменно выглядела на все пять. Тогда кто позволил себе столь фамильярное обращение и, главное, почему?

Он аккуратно вынул датчик из гнезда на полированной панели, стараясь не порвать провода, и сразу же увидел причину непорядка. «Сукин же ты сын!» – подумал он, отделяя от проводков тонкий волоконно-оптический кабель.

Ишь ты, раскатал губу. Думал, что, прослужив в РУМО двадцать пять лет, с миром уйдет на пенсию и ему не устроят какую-нибудь пакость? Генри держал в руках микроскопического «жучка» – такой крохотный он видел впервые. Разумеется, приборчик был рассчитан только на прослушивание, хотя что он мог уловить кроме рокота двигателя, шума ветра и шелеста воды? Хотя кто их знает – современные системы слежки обалденно хороши. Может, уже засекают частоту пульса и дыхания. Если так – пусть видят, как он взбешен.

Очевидно, контора установила «жучок» еще до его возвращения из Льежа, как только Монро передал, что Генри уходит в отставку. Джерри никого бы близко не подпустил к «Элле Мэй», а потому от него избавились. Генри искренне надеялся, что ему сделали выгодное предложение, от которого глупо отказываться. Джерри – хороший мужик, заслуживающий лучшей жизни. Если ему позволили сохранить жизнь.

Генри выключил музыку и по мосткам подошел к будке перед офисом яхт-клуба. Да, мисс Морской Биолог все еще дежурила. Думает, наверно, какая она ловкая, как невинно выглядит со своими наушниками и улыбочками, будто ничего не

происходит. Может, она действительно так молода, что не ведает, чего ожидать от рассерженного пенсионера-убийцы?

– Поймали что-нибудь? – весело спросила она, когда Генри положил перед ней на стол микрофончик с волоконно-оптическим кабелем. Девушка посмотрела на прибор, потом на Генри – улыбка растеряла уверенность.

– Ну-у, обычно парни выбирают цветы или плей-лист, который, по их мнению, покажется мне романтичным, но это…

Похоже, невинное хлопание глазками она отрабатывала перед зеркалом.

– Ты из РУМО? – резко спросил Генри.

– Э-э… как сказать. А что такое РУМО?

– Развлекательно-увеселительное музыкальное общество. Кто тебя послал следить за мной? Паттерсон?

– Паттерсон? – переспросила Дэнни, словно пробуя на языке слово, которое слышала в первый раз.

Роль наивного ребенка начала действовать Генри на нервы.

– Слушай, – сказал Генри, – ты вроде бы порядочный человек. Но ты спалилась. Твоя легенда не работает.

Девушка наклонила голову набок.

– Я тут слушала Марвина Гэя, так что я…

– Назови три корпуса в кампусе Дариена, – предложил Генри. – Давай, морской биолог, любые три. Валяй!

– Что, правда? – спросила она с сомнением.

– Правда.

Дэнни вздохнула.

– Аудитория Родса, аудитория МакУортера и аудитория Рукера.

– Теперь я точно знаю, что ты из РУМО. Гражданская послала бы меня куда подальше.

– Вежливая гражданская не послала бы, – ровным тоном сказала Дэнни.

– Черт, ты – молодец. Продолжай охмурять, как указано в методичке РУМО. Ты и живешь рядом?

Девушка заморгала.

– Что?

– Потому что я хочу зайти в гости.

– Это еще зачем? – Девушка встревоженно отодвинулась.

– Могу побиться об заклад, что не найду у тебя ни одного учебника по морской биологии, зато обнаружу добротное, толстое досье на Генри Брогана.

Дэнни вдруг снова заулыбалась, но не ему. За спиной Генри стояли два рыбака, они терпеливо ждали своей очереди.

– Это все прикольно, нет, правда, – сказала она, – но мне как бы еще надо работать. Если вы не против…

– Ладно, может, тогда выпьем вместе? – предложил Генри. – В «Пеликан-Пойнт»?

Дэнни разинула рот в искреннем удивлении.

– Зачем? Чтобы вы могли продолжить допрос?

– Может быть. А может, я весь вечер буду извиняться. В любом случае по понедельникам там играет классная группа.

Генри мог поручиться, что в уме девочки закрутились шестеренки, как прежде в уме Джека Уиллиса, – сказать «да» и продинамить? Бросить прикидываться и вызвать подкрепление? Не начнут ли двое рыбаков качать права не вовремя? Зачем она вообще не проспала сегодня утром?

– В семь, – наконец, ответила Дэнни. Нерешительно, выжидающе улыбнулась. – Только шизу оставьте дома. Хорошо?

Генри осклабился, он не стал ничего обещать.

* * *

По пути в «Пеликан-Пойнт» Дэнни забежала домой, переоделась в джинсы и футболку с эмблемой Университета Джорджии и прибыла в заведение пораньше, чтобы собраться с мыслями под виски с пивом. Несколько озабоченных мужиков один за другим попытали счастья с интервалом в пару минут. Слава богу, когда их отшили, они не пытались ее переубедить. Некоторые мужчины не упустят в баре ни одной одинокой особы женского пола, эти хотя бы не стали возникать.

А вот что говорить Генри, когда он появится, неизвестно. Если появится… Нет, он обязательно придет. Уж Генри точно не продинамит – хотя бы ради продолжения допроса. Не ровен час извинится, однако у Дэнни сложилось впечатление, что Генри не из тех, кто часто извиняется. Одни не могут, другие не хотят, и обе категории делают все возможное, чтобы не выглядеть виноватыми.

Зато сама Дэнни реально прикидывала, не продинамить ли Генри. Она до сих пор не решила, правильно ли сделала, что согласилась с ним выпить, после того, как он снял с нее стружку. Кто так разговаривает с незнакомым человеком, которого только что повстречал? Тем более с аспиранткой на минимальной зарплате? Дэнни представила, что бы сказал по этому поводу ее отец. Двое рыбаков, стоявших за спиной Генри, не слышали разговор целиком, однако проводили его подозрительными взглядами. На нее тоже посмотрели с прищуром. Дэнни попросту пожала плечами и сказала: «Клиент всегда прав»

и отвлекла вопросом насчет их дела.

Перед ней на столик вдруг поставили цветы – яркий букет, не слишком экстравагантный, но и не такой, что можно в последнюю минуту прихватить из дежурного магазина. В качестве извинения вполне сгодится. Надо отдать должное Генри Брогану – он умел улаживать конфликты. Оборачиваясь и улыбаясь, она почувствовала жар на щеках. «Господи, покраснела, как школьница», – подумала она, каменея, из-за чего раскраснелась еще больше.

– Уй, – вырвалось у нее, пока она думала, как скрыть румянец.

– Извиняюсь за сегодняшнее поведение, – произнес Генри, садясь за стойку справа от нее. – Застарелая привычка. Я тяжело схожусь с людьми. Ты, очевидно, тоже.

Дэнни сникла. Она-то думала, что Генри отбросил паранойю.

– Почему вы так говорите?

Генри положил на стойку рядом с цветами стандартный лист белой бумаги. Дэнни посмотрела на него, потом на Генри и слегка покачала головой.

– Я не пони…

Генри перевернул лист, с обратной стороны смотрела Дэнни собственной персоной – с цветной копии пропуска, выданного Разведывательным управлением Министерства обороны. Изображение было увеличено в пять раз, так что ее имя – Дэниель Закаревски – легко читалось. И ее подпись тоже.

Дэнни понурилась, вся энергия, которую она запасла на этот вечер, вмиг улетучилась. Она поставила локоть на стойку, на минуту подперла голову рукой.

– Где ты это взял?

– За двадцать пять лет праведной службы я обзавелся кое-какими друзьями, – ответил Генри. Голос его звучал мягко, не победоносно. Он не злорадствовал. Генри Броган опять ее удивил. Хотя зря она удивлялась – все его досье

подсказывало, что человек он вполне порядочный.

Дэнни допила напиток одним затяжным глотком, однако не стала бить дном бокала о стойку.

– Да, теперь я точно спалилась, – невесело признала она. – Как подгоревший пончик.

– Ты не виновата, – заверил ее Генри все тем же благожелательным тоном. – Ты хорошо вела роль. Хочешь еще виски с пивом?

Дэнни мрачно кивнула. «Ничего себе развитие сюжета», – подумала она. За один день ее карьера проделала путь от стремительного полета в небеса к субстанции, которую собирают в мешочек после выгуливания собачки.

– Этот набор пьют копы, – заметил Генри, когда бармен поставил перед Дэнни кружку пива и стопарь виски. – У тебя в семье были копы?

– Отец работал в ФБР, – она не удержалась и сказала это с гордостью. – Очень ценил службу родине.

– Ценил? – переспросил Генри.

«От него ничего не скроешь», – подумала Дэнни. При этом она даже не заметила, когда он успел забрать копию ее пропуска со стойки. Чем дальше в лес, тем больше дров.

– Погиб в свой выходной. Пытался помешать ограблению банка.

– Мне очень жаль, – сказал Генри. Дэнни почувствовала, что он не кривит душой.

Чтобы упредить момент, когда начнут душить слезы, она вылила виски в пиво и приподняла бокал. Генри тоже поднял свой и чокнулся с ней.

– В досье говорится, что ты служила в ВМС, – сказал он. – Четыре года на шестом флоте, в Бахрейне.

– Мне всегда нравилось море. Не понравилось только жить в жестянке с сотнями матросов.

– Это все же лучше, чем бункер в Могадишу, – сухо заметил Генри.

– Ладно, твоя взяла, – усмехнулась Дэнни.

– После флота ты вызвалась служить в РУМО, в агентурной разведке, – продолжал Генри. – Вербовка и поддержка агентов. Ни одного взыскания. И тут служба внутренней безопасности ставит тебя на прикол и заставляет следить за без пяти минут пенсионером. – Генри искоса глянул на собеседницу. – Тебя это не возмутило?

Дэнни улыбнулась. В любом агентстве шла подковерная борьба за статус, разведка в этом плане мало чем отличалась от гражданских корпораций. Она решила сменить тему.

– Знаешь, чем моего отца больше всего привлекала служба в ФБР? – Дэнни отпила из бокала. – То, что заключено в этих трех буквах: филигранность, бесстрашие, репутация. Он часто об этом говорил – между порциями виски с пивом. – Девушка пошевелила бокалом. – Само название организации каждый день напоминало ему, как следует поступать. Соблюдая эти принципы, говаривал он, ты не пропадешь на любой работе, и я смогу тобой гордиться. Надеюсь, он гордится.

– Не сомневаюсь, – ответил Генри без тени сомнения.

Несмотря на провал, Дэнни чувствовала себя приятно удивленной и тронутой. Ей вдруг захотелось сказать Генри, как высоко ценит его слова, но вовремя опомнилась. Она все еще на работе и должна вести себя подобающе даже в роли «подгоревшего пончика». Эдакий пончик-профессионал.

Хотя заказать еще виски с пивом это не мешает.

* * *

Когда Дэнни и Генри вышли из «Пеликан-Пойнт», стояла глубокая ночь. Невзирая на не самые лучшие обстоятельства, она прекрасно провела время, поговорив за жизнь с человеком, считавшимся легендой РУМО. Разумеется, Дэнни фильтровала разговор, Генри, конечно, тоже. И все-таки эта встреча была намного интереснее последних реальных свиданий. Если подумать – практически всех свиданий. Нет, не практически – всех.

– Ну, пожалуй, пора прощаться, – сказала Дэнни, стараясь не выдать голосом свое сожаление. – Мне было прикольно за тобой следить. И спасибо за цветы. Завтра меня, скорее всего, отзовут.

– Подвезти до дома? – спросил он.

Дэнни покачала головой.

– Мой дом – здесь, – она указала на многоэтажку в пятидесяти метрах. Ей нравилась Саванна, исторический центр города, речные круизы, оживленный городской рынок, нравилось жить вблизи от океана. Но об отъезде она не сожалела. Вместо нее это место выбрала контора, оно находилось настолько близко к причалу, что автомобильная парковка перед яхт-клубом была видна из окна квартиры. Существование однако отравляли тонкие, как папиросная бумага, стены и паршивый вай-фай.

Дэнни протянула руку для прощального рукопожатия и задержала ее на пару секунд.

– Генри… Почему ты подал в отставку?

Он замешкался, не решив вовремя, что соврать.

– В последнее время я начал шарахаться от зеркал. Я решил, что это – намек.

«Это – дань репутации, – подумала Дэнни. – В комплекте с бесстрашием и филигранностью».

– Следи за тылами, – пожелал Генри.

– Ты тоже, – с легкой усмешкой ответила она и повернулась к дому.

– Спокойной ночи, подгоревший пончик, – добавил он.

Девушка рассмеялась с примесью меланхолии. Временами у нее возникало отчетливое понимание, насколько одинока жизнь, которую она выбрала. Работа требовала от нее находиться среди людей, но не с людьми, не принимать в них участия. Пусть даже эти люди – другие агенты, тем более другие агенты; с коллегами положено соблюдать дистанцию, ни к кому не привязываться эмоционально. В случае их гибели, перехода на сторону противника или разоблачения как двойных агентов эмоциональная связь с ними могла сбить с верных мыслей, заставить промедлить или сделать опрометчивый поступок. Так недолго погибнуть самой и погубить других, а то и что похуже.

В свободное от работы время агент не может «перезагрузиться» и начать общаться на гражданский манер. Если ты, как делают обычные люди, стремишься к контактам, любишь компашки, то, когда позвонит куратор, прикажет поехать в Саванну и взять под наблюдение легендарного агента, почему-то решившего завязать с убийствами, ты не сможешь отключить общительность простым нажатием кнопки. Поэтому агенту положено жить особняком, держаться от всех в стороне. Как компьютеру, выключенному из сети в век интернета.

Однако иногда – очень редко, почти никогда – на твоем пути попадается особенный человек, и несмотря на все зароки, ты вступаешь с ним в связь. Ты краешком глаза видишь, каково это иметь отношения с другим человеком, личные отношения – неважно, романтические или не очень. С гражданскими это происходит сплошь и рядом. Они не сознают своего богатства, для них это само собой разумеется. Агентам же требуется избавляться от наваждения, как от похмелья.

И поэтому встречу с Генри нельзя было считать свиданием.

* * *

– Эй, Джек, ты когда-либо задумываешься об истории? – спросила Китти с палубы, стоя у поручней.

Джек Уиллис оторвался от коктейлей, которые смешивал в баре, и добродушно улыбнулся. Он всю жизнь преклонялся перед женской красотой, его жена была одной из самых красивых женщин, попавшихся ему на жизненном пути. В последние годы, однако, он сделал открытие: женщина, предпочитающая разговоры с ним походам по магазинам, имела для него особую привлекательность помимо ярких глаз, прелестного личика и убийственных форм, которыми Китти была тоже не обижена.

– Я думаю о ней, когда смотрю на звезды, – продолжала Китти. – Ведь на них смотрели пещерные люди. Клеопатра. Шекспир. На те же самые звезды. Пара веков для звезды ничего не значит. Не знаю почему, но меня это успокаивает.

Джек тоже не мог бы сказать, почему. Ему трудно было вообразить, что такого могло беспокоить красивую женщину, если она, конечно, на попала в аварию или зону боевых действий. Он выглянул из-за бара и принялся нарезать лайм.

– Люди в прошлом смотрели в небо, как я сейчас, – сказала Китти. – И чувствовали, что я сейчас чувствую, – благоговение. Пройдет еще несколько сотен лет, но люди будут чувствовать то же самое. Это как…

Джек подождал окончания фразы. Молчание затянулось. Даже не выглядывая, он понял, что Китти уже не стоит у поручней и не восхищается звездами. Он достал из-за резинки штанов пистолет и, стараясь ступать бесшумно, вышел на палубу. Китти нигде не было. Джек вспомнил, что Генри Броган говорил о сверхъестественной способности красивых женщин исчезать без следа. Они так делают, бросая нас ради какого-нибудь богатенького буратины.

«Эх, если б сейчас так и было», – упав духом, подумал Джек. Он рассчитывал, что на него не сделают покушения, пока он в американских водах. Почему он не высадил Китти в надежном месте, черт побери…

Джек увидел на палубе акваланг и ласты, а краем глаза заметил метнувшуюся к нему тень, мгновенно превратившуюся в человека с пистолетом. Джек бросился вперед, чтобы упредить его, они начали бороться. Джек давным-давно не участвовал в рукопашных схватках, он чувствовал, что противник сильнее и, вероятно, моложе. Надо кончать побыстрее, иначе сил не хватит.

Джек все еще пытался нацелить пистолет в грудь аквалангиста, как вдруг прямо над ухом грохнул выстрел. Оглохнув, он только прибавил прыти, пока еще не чувствуя, ранен или нет, – на одном адреналине. Ему почти удалось прижать ствол к животу противника, но чья-то рука сзади захватила шею.

«Черт, я бы услышал, как подкрался второй, если б не выстрел», – успел подумать Джек, прежде чем потемнело в глазах.

* * *

Действуя быстро и слаженно, как труппа смертельного балета, команда связала убитых – главного объекта и его спутницу – по рукам и ногам, подцепила груз и выбросила за борт. Агенты не ожидали, что задание окажется таким легким. Женщина подвернулась случайно, а вот Уиллис считался матерым зверем с опытом тайных операций. Очевидно, жизнь на пенсии не пошла ему впрок, он слишком быстро уступил – никакого азарта, даже обидно.

Оставалось надеяться, что завершение операции будет поинтереснее. Как сохранить высокую кондицию, если объекты даже не оказывают сопротивление?

Глава 6

Генри Броган тонул в общественном плавательном бассейне Филадельфии.

Дети вокруг него молотили ногами, взбивая пену, хохотали, словно им взаправду было очень весело. Так оно и было – для них. Ведь они не тонули. Почему? Почему все прыгают в воду, веселятся и только он один тонет?

Когда он уже решил, что умрет, две сильные руки схватили его под мышки и вытащили из воды на пропахший хлоркой, насыщенный светом воздух. Генри, кашляя и разевая рот, поморгал, чтобы вода ушла из глаз. Отец смотрел на него с улыбкой. Его огромное лицо заслоняло собой почти весь мир, даже небеса. Генри ничего не видел перед собой, кроме этого массивного улыбающегося лица, половину которого занимали зеркальные солнечные очки, – отец никогда их не снимал. В стеклах отражался перепуганный пятилетний Генри, щуплый, в

не по размеру больших трусах, которые приходилось завязывать тесемкой, чтобы не спадали, задыхающийся, дрожащий от стыда, страстно желающий улизнуть, потому что знал, что сейчас произойдет – то, что всегда происходило.

– Будем учить тебя работать ногами! – со смехом сказал отец. Звук его голоса заглушал детские крики и плеск воды. – Сосредоточься, Генри! Тебе уже пять лет! Это нетрудно! Давай, еще раз!

Оба Генри на отражении в очках беспомощно взмахнули руками и съежились – отец швырнул его обратно в воду, как рыбак выбрасывает слишком мелкую рыбешку. На поверхности колыхалась тень нависшего над водой отца, а Генри опять погружался – все глубже и глубже. Гулкий громоподобный смех стал глуше.

По телу Генри электрическим током пробежал ужас. Он попытался закричать, но издал лишь негромкое, свистящее бульканье. Светлый прямоугольник поверхности наверху отдалялся все больше. Как бы он ни двигал ногами и руками, пытаясь всплыть, у него ничего не получалось – вода держала крепко. Ноги стали тяжелыми, такими тяжелыми, будто к ним привязали огромный груз. Он чувствовал, как этот груз тащит его за щиколотки все дальше вниз, на такую глубину, где он еще ни разу не был, так глубоко, что ему ни за что на свете не всплыть на поверхность. Вокруг него смыкалась тьма. Отцовский смех, крики детей, плеск воды постепенно замерли, и он тоже сейчас навсегда замрет.

«Спасите меня! – с мольбой тянул он руки к далекой мерцающей поверхности. – Спасите!»

Внезапно в поблекший прямоугольник наверху врезалась чья-то темная фигура – кто-то нырнул за ним. Генри узнал фигуру, это была его мама. Он вскинулся, усилием воли отогнал тьму, протянул навстречу руки. Мать всегда приходила на помощь… но не всегда успевала.

Тьма сопротивлялась, душила, не отпускала. Вода чересчур холодна для бассейна. На языке – вкус соли, а не хлорки. Он тонул в океане, а значит, мать не придет на помощь. Ее больше не было рядом, как, впрочем, и отца. И это не Филадельфия – совершенно другое место и время, в котором его подстерегало нечто худшее. Руки и ноги так отяжелели, что он не мог ими даже пошевелить. Не мог закричать, даже в уме. Мог лишь погружаться все глубже в холод и тьму.

Тишину разорвал непрерывный писк. Это какой-то прибор, понял Генри. Наступила клиническая смерть. Но не надолго – он уже возвращался. Его спасла не мать, а кто-то другой. Сейчас станет чертовски больно. Как только к коже прикоснулись электроды дефибриллятора, он сразу же очнулся. Генри не долго радовался, что лежит в собственной постели. Писк никуда не делся.

Генри схватил с тумбочки айпад и выключил сигнал тревоги сигнализации. Кто-то налетел на лазерный «спотыкач», установленный на периметре участка. Если прохлаждаться, клиническая смерть наступит наяву.

В зеркале напротив кровати что-то мелькнуло, оно отразило какое-то движение за окном слева от Генри. В темноте вспыхнула и начала кружиться красная точка – стрелок искал цель.

Генри беззвучно взял свой сотовый и набрал номер, одновременно сползая с кровати на пол. «Ну, давай!» – мысленно попросил он, открывая люк в полу рядом с кроватью и спускаясь в подполье. Тревожная сумка лежала там, где он ее оставил, – покрытая пылью снаружи, но чистая и сухая (предположительно) внутри. На звонок все еще не отвечали. – «Ну же, ну!»

– Надеюсь, это означает, что мы снова работаем вместе? – без приветствия сказал Монро.

– Где ты? – прошептал Генри.

– Слежу за одной чертовой машиной, – недовольно ответил бывший напарник.

– Слушай, немедленно уходи оттуда, – тихо сказал Генри, ползком передвигаясь по земле. Когда он попросил прораба поставить дом на полуметровые бетонные сваи, тот посмотрел на него как на ненормального. Прорабам не приходится быстро и незаметно покидать свои дома посреди ночи.

– Не возвращайся домой, не ходи к подружке. Езжай на автобусную станцию, купи билет за наличные. Везде пользуйся только наличными. Если надо, укради, но только не бери деньги из банкомата. Уезжай в такое место, где тебя никто не знает.

– Черт! – голос Монро дрогнул. – Ты уверен?

– Они за окном моего дома. Извини, приятель. Из-за меня ты стал лишним свидетелем.

– Я разберусь, – ответил Монро, безуспешно пытаясь скрыть страх под напускной храбростью. – Как с тобой связаться?

– Никак. Хочешь жить – не звони мне. Никому не звони. Никогда. Особенно в РУМО. Выброси свой телефон. Ты меня понял?

Генри забеспокоился, что Монро начнет артачиться, но он не стал. Парень вообще ничего не сказал. Вместо этого Генри услышал два громких хлопка и звук удара сотового телефона о землю. Генри зажмурился. Перед глазами встал образ человека-пуделя – их самая первая встреча, фотография с плохим изображением Дормова, которую Монро показал Генри на своем телефоне, молодой, веселый, знающий себе цену парень, уверенный, что будет жить вечно и никогда не состарится.

Генри скатал скорбь в маленький шарик и засунул его на самое дно сознания. Горевать о гибели Монро нет времени. Сначала надо позаботиться о собственной жизни. Генри открыл тревожную сумку и быстро осмотрел содержимое – одежда, обувь на месте, это хорошо, для уважающего себя агента недостойно погибать босиком и в штанах от пижамы, даже если он на пенсии. Между слоями одежды в сумке лежали несколько пачек денег, паспорт, «Глок» и, самое главное, два автомата IWI ACE. Генри любил эти израильские штучки – если требовалось автоматическое оружие, умещающееся в тревожной сумке без подозрительных выпуклостей, «израильтяне» были идеальным вариантом.

Генри достал один из автоматов, проверил боезапас и, работая локтями, выполз под веранду. «Ну что, сволочи? Идите сюда, попробуйте меня взять», – подумал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Профессиональная бейсбольная команда из г. Филадельфия (прим. пер.).

2

Основатель «Общества анонимных алкоголиков».

3

Девиз команды по американскому футболу Университета Джорджии; также название университетского гимна (прим. пер.).

4

Намек на моментальную лотерею, где нужно стереть восемь совпадающих полей, чтобы выиграть главный приз (прим. пер.).

5

Близнецы (лат.); также: биваленты или пары гомологичных хромосом, образующиеся при делении клеточного ядра.

Купить: https://tellnovel.com/avtorov_kollektiv/gemini

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити